

Conference report Обзор конференций

DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-3-851-880
УДК 82.091=411.21

Обзорная статья
Review

На 16-й Шарджийской литературоведческой конференции: «Арабский интерактивный роман: сущность и особенности» (Амман, сентябрь 2019 г.)

Д. В. Микульский

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3239-1670>, e-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Резюме: статья посвящена 16-й Шарджийской литературоведческой конференции, которая проводилась в сентябре 2019 г. в столице Иордании Аммане. Автор рассказывает о том, как была организована эта научная встреча, а также излагает научные проблемы, которые были затронуты в связи с рассмотрением ее темы – сущность и особенности арабского электронного (интерактивного) романа. Самое интересное в статье – это пересказ бесед автора с его новыми знакомыми, арабскими писателями и литературоведами, а также с обычными амманцами, с которыми автору довелось встретиться во время этой поездки. Они рассказывали о своем отношении к России, о восприятии многих фактов и явлений арабской классической культуры, о понимании проблем развития и бытования арабского языка, о своих семейных корнях. Статья дает яркое представление о современной социокультурной обстановке в арабском мире, где сочетаются новейшие явления культуры и традиционные установления, уходящие корнями в глубокое прошлое.

Ключевые слова: Шарджийские конференции; арабская литература; арабское литературоведение; арабский электронный (интерактивный) роман; арабская классическая словесность; арабская музыкальная культура; семейно-родственные группы; Россия и арабский мир

Для цитирования: Микульский Д. В. На 16-й Шарджийской литературоведческой конференции: «Арабский интерактивный роман: сущность и особенности» (Амман, сентябрь 2019 г.). *Ориенталистика*. 2020;3(2):851–880. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-851-880.

At the 16th Sharjah academic conference on the Arabic electronic (interactive) novel (Amman, September 2019)

D. V. Mikulsky

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3239-1670>, e-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Abstract: the article provides an account of the Author's participation in the 16th Sharjah conference on contemporary Arabic literature (Amman / Jordan,

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

September 2019). It comprises information about the institutions and people who organized this meeting, as well as an outline of the academic problems regarded as its main topic: the specific features of Arabic novel delivered in the electronic form. The author, Professor D. Mikulsky also offers a brief report on his personal conversations with Arab writers and scholars of literature, as well as with people of Amman whom he met during his stay in the Capital of Jordan. These conversations were chiefly about these people's attitude towards Russia and its culture, and also about the academic and popular perception of the classical Arabic literary and cultural legacy of the Arabs and family and clannish roots of the Author's informants. The article, written in an elegant style offers a vivid picture of the present-day socio-cultural situation in the Arab world, where the most recent cultural phenomena are amalgamated with traditional institutions.

Keywords: Sharjah, Literature conferences, in; Arabs, literature, classical; Arabs, literature, study of; Arabs, novel, electronic (interactive), of; Arabs, music; Russia, Arab World, contacts with

For citation: Mikulsky D. V. At the 16th Sharjah academic conference on the Arabic electronic (interactive) novel (Amman, September 2019). *Orientalistica*. 2020;3(1):851–880. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-3-851-880.

В фольклоре различных народов, в том числе и у арабов, имеются анекдоты о незваном назойливом госте. К счастью, я могу не принимать подобные шутки на свой счет, хотя и очень люблю бывать в гостях в арабских странах. Дело в том, что мои арабские друзья и коллеги всегда посылают мне приглашения. Так получилось и на этот раз – устроители Шарджийской продолжающейся конференции (уже 16-й по счету) вновь оказали мне честь, пригласив принять участие как российского арабиста-наблюдателя в этом авторитетном арабском литературоведческом форуме¹. На этот раз местом проведения конференции была избрана столица Иорданского Хашимитского Королевства – древний Амман. Мое официальное участие в 16-й Шарджийской конференции документировано справкой о моей скромной персоне, опубликованной на страницах Программы Конференции, которая содержит также информацию о ее участниках [2, с. 42]. Другим арабистом, приглашенным устроителями мероприятия, был испанский коллега Гонзало Фернадес [2, с. 43]. Мне особенно радостно было познакомиться с Г. Фернадесом, так как он оказался учеником моего любимого учителя, преподавателя кафедры арабской филологии ИСАА при МГУ А. А. Санчеса (р. 1936), вернувшегося на историческую родину, в Испанию, в 1979 г. От Г. Фернадеса я узнал, что А. А. Санчес жив и здоров, хотя и отошел от преподавательской деятельности. Позже, в Москве, я получил подтверждение этих сведений от сына моего учителя.

Как и в предыдущий раз, организационно-информационная подготовка мероприятия оказалась выше всяческих похвал – организаторы

¹ О 15-й Шарджийской литературоведческой конференции, в которой я также принимал участие в сентябре 2018 г., было рассказано в публикации: [1].

издали брошюру, содержащую сведения обо всех участниках конференции, а также ее подробную программу [2], а помимо этого – том с текстами докладов, заранее представленных организаторам встречи [3]².

Итак, анализ опубликованных материалов показывает [2, с. 7–9]³, что на конференцию были приглашены 24 литературоведа, критика и издателя (в 2018 г. – 23). Число же писателей-участников достигло 49 (в 2018 г. – 36). Из них четверо обозначены как арабские писатели, проживающие за пределами арабского мира (Австрия, Бельгия, Франция, Швеция), в 2018 г. таковых было трое. Восемь писателей представляли на форуме ОАЭ (в 2018 г. – шесть). Сведения о том, каким образом были представлены другие арабские страны (в 2018 и 2019 гг.), зафиксированы в табл. 1.

Таблица 1

Арабские страны, представленные на форумах 2018 и 2019 гг.

№ п/п	Страна	Количество участников-писателей	
		2018	2019
1	Марокко	13	–
2	Тунис	3	1
3	Египет	3	5
4	Мавритания	2	1
5	Кувейт	2	1
6	Палестина	1	3
7	Оман	1	2
8	Ливан	1	–
9	Саудовская Аравия	1	1
10	Иордания	–	16
11	Бахрейн	–	1
12	Сирия	–	2
13	Судан	–	2
14	Алжир	–	2
	<i>Итого</i>	27	37

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что сугубо в количественном отношении Амманский форум оказался более представительным, нежели Рабатский. Если в первом приняло участие 27 писателей, то во втором – 37. В первом случае писатели-участники представляли девять стран, а во втором – 12. Новыми участниками оказались Иордания (иорданских писателей было более всего – 16; это и понятно, ведь конфе-

² Это издание озаглавлено точно так же, как и упомянутое прежде [3]. Такое обстоятельство, возможно, следует считать незначительной оплошностью, допущенной организаторами. К сожалению также, книга не имеет сквозной пагинации.

³ Всего было заявлено 53 участника конференции.

рениция проводилась на иорданской земле), Бахрейн, Сирия, Судан и Алжир. Такие значимые арабские литературы, как марокканская⁴ и ливанская, в отличие от первой конференции, оказались никак не представлены.

Египетская, палестинская и оманская литературы были представлены более полно, а число писателей-участников из Туниса, Мавритании и Кувейта сократилось.

В целом, думается, Амманская конференция представила довольно полно спектр различных арабских литератур. Это утверждение приобретет более доказательный характер, если мы рассмотрим государственную принадлежность критиков, литературоведов и издателей. Сведения об этом содержатся в табл. 2.

Таблица 2

Государственная принадлежность критиков, литературоведов и издателей

№ п/п	Страна	Количество участников
1	Иордания	5
2	Египет	5
3	Марокко	5
4	ОАЭ	3
5	Ирак	3
6	Саудовская Аравия	1
7	Бахрейн	1
8	Кувейт	1
	<i>Итого</i>	24

Из табл. 2 явствует следующее. Лидирующими странами-участницами являются Иордания (государство, принимающее конференцию), Египет (египетские литературная критика, литературоведение и издательское дело – одни из наиболее развитых в арабском мире) и Марокко (арабская страна, известная собственной школой литературной критики и литературоведческими исследованиями; да и вообще марокканское присутствие на форуме оказалось весьма существенным). Относительно высокое участие ОАЭ в рамках рассматриваемой номинации объясняется тем, что эмират Шарджа – член федерации. Троих участников из Ирака, возможно, пригласили, чтобы поддержать эту раздираемую многолетними раздорами страну. Низкая доля представителей стран Аравийского полуострова (кроме ОАЭ), может быть, объясняется относительной неразвитостью литературной критики и литературоведения в этих государствах.

Данные обеих таблиц демонстрируют, что более всего на форуме было иорданцев (21), представителей ОАЭ (11) и египтян (10).

⁴ Правда, в списке литературоведов, критиков и издателей присутствует имя 'Абд ал-Вахида Иститу (р. 1977), марокканского журналиста и писателя, который считается основоположником интерактивного (электронного) романа в арабском мире. См. о нем ниже.

Таким образом, предполагалось, что всего в форуме примут участие 73 представителя различных арабских стран (как, собственно, писателей, так и лиц, изучающих и издающих изящную словесность) – против 59 на предыдущей конференции. Это также свидетельствует о более высокой степени представительства на последней встрече.

Интересно проследить и динамику женского участия в обеих Шарджийских конференциях. Данные об этом содержатся в табл. 3.

Таблица 3

Государственная принадлежность женщин – участниц конференции

№ п/п	Страна	Количество участниц
1	ОАЭ	7
2	Иордания	6
3	Саудовская Аравия ⁸	2
4	Оман	2
5	Египет	2
6	Судан	2
7	Эмиграция	2
8	Бахрейн	1
9	Кувейт	1
10	Сирия	1
11	Алжир	1
	<i>Итого</i>	27

* Интересно отметить, что биографические справки, в которых содержится информация об участницах из Саудовской Аравии, публикуются без их фотографий [2, с. 16, 48] – вместо фотографии пустая рамка. В материалах предыдущей конференции фотографии представительниц Саудовской Аравии публиковались. Возможно, это обстоятельство свидетельствует о некоем ужесточении применения правила, согласно которому нельзя изображать живые существа, даже в форме фотографий (такое правило воспринимается в Королевстве как собственно исламское). Между тем биографические очерки об участницах из других арабских монархических государств напечатаны с их фотографическими портретами.

Таким образом, женщины составили примерно 36,6% участников форума (против 38,9% в 2018 г. [1, с. 1067]) – весьма значительную их долю. Близкое значение доли женщин, принявших участие в обеих конференциях, возможно, свидетельствует о том, что организаторы форума соблюдают некую норму процента женщин, приглашаемых на подобные мероприятия (несколько выше одной трети).

Самое высокое «женское» представительство было осуществлено ОАЭ и Иорданией. Возможно, что среди прочих арабских государств, представленных на форуме, именно в этих двух странах доля женщин, занимающихся преподаванием гуманитарных дисциплин, а также работающих в области литературного творчества, наивысшая.

Исходя из собственных впечатлений, хочу подчеркнуть, что участницы конференции (и писательницы, и преподавательницы, и исследовательницы, и критики) вели себя свободно и с достоинством. Мне, как

наблюдателю, было очевидно, что они вполне привычны и к чтению докладов, и к ведению дискуссий. Так что какие бы «процентные нормы» ни соблюдали организаторы форума, прекрасная его часть вносила неоценимый творческий вклад в работу совещания писателей и литературоведов.

Теперь расскажу о том, как проходила работа конференции.

Тема ее была сформулирована следующим образом: «Интерактивный роман: сущность и особенности» [2, с. 86]⁵. Тема конференции была раскрыта в течение трех дней работы (17, 18 и 19 сентября) на десяти заседаниях. Одно из этих заседаний было названо организаторами «круглым столом» (проходило с 17.00 до 19.30 17 сентября) [2, с. 87–89]. На этих заседаниях было прочитано около 24 научных докладов.

Какие же проблемы рассматривались в докладах, сделанных на конференции?

Природа цифрового (электронного, интерактивного) романа

Цифровой роман – порождение и творчества, и технологии. Неясно, обладает ли он эстетикой и повествовательностью, или просто является одной из электронных социальных сетей. Собственно творческие возможности электронного романа (по причине доминирования в нем технологической стороны) ограничены.

Согласно мнению одних докладчиков, разнородные элементы, составляющие ткань электронного романа (текст, записанный при помощи букв, видео, изображения, звука), хотя и разнородны по своей природе, но пребывают в непрерывном взаимодействии и даже в гармонии. Другие же считают, что эти элементы соединены в цифровом романе механически. Поэтому собственно художественный язык не присущ этому новому жанру.

Было высказано и мнение, согласно которому все же главное в электронном романе – воплощенная в нем идея.

Генезис и бытование электронного (цифрового) романа

В докладах отмечалось, что цифровой роман – детище современной технологической революции. Он родился на Западе, а арабский электронный роман носит подражательный характер. К настоящему времени

⁵ О том, что представляет собой интерактивный (электронный) роман, было написано в статье, в которой рассказывается о предыдущей Шарджийской конференции: интерактивный (электронный или цифровой) роман – это электронная информационная структура, размещаемая на некоем сайте; электронный роман включает в себя как собственно текстовые элементы, так и изображения, видео- и звуковые файлы; интерактивный роман – открытая структура: читатели, заходящие на сайт, где он размещен, имеют право включать в него свои собственные комментарии или дополнения, изменяя таким образом его содержание и структуру (см.: Гипертекст. – Википедия. Свободная энциклопедия) [1, с. 1068–1069].

существует около 40 арабских электронных романов. В арабском мире одним из центров цифровой революции и жанра цифрового романа является Амман.

Произведения этого жанра порождаются коллективным образом – в написании цифрового романа может участвовать до ста тысяч читателей (!); правда, до сих пор неясно, кто же читает такие романы. Порой образуются группы литераторов, которые совместно сочиняют интерактивный роман.

Нероманные жанры электронной «словесности»

Помимо собственно романов, докладчики рассматривали такие жанры электронной «словесности», как электронные биографии (отмечался разнородный характер их структуры, как и у романов), а также электронные учебники и учебные программы. Касательно этих последних с сожалением отмечалось, что их распространение способно еще более ослабить память подрастающего поколения.

Электронный роман и мировая литературная традиция

Рассматривая тематический блок мнений, высказанных докладчиками по этой проблеме, следует отметить, что проблема культурного наследия (как своего родного, арабского, так и общемирового), его роли в современной культурной жизни чрезвычайно важна для сознания образованных слоев арабского мира.

Так вот, в связи с этой проблемой мнения разделились кардинальным образом.

Согласно одной точке зрения, интерактивный роман – принципиально новое явление; он – следствие цифровой революции. Электронный роман выражает перемены, происходящие в современном мире, и поэтому ищет новых опор в культуре и литературе. До сих пор неясно, допустимо ли причислять такой роман к «высокой» литературе, или же он всецело представляет собой достояние массовой культуры. В силу этого интерактивный роман противостоит исконной традиции арабской словесности, а также мировой литературе. Несмотря на развитие электронной литературы, мировая классика, представленная такими ее вершинами, как творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, а также Священные Писания, и прежде всего Коран, будут значимы для человечества до Судного дня.

Другая группа выступавших на форуме, напротив, полагает, что арабский интерактивный роман имеет глубинные истоки в исконной арабской словесности. Один из образцов протоинтерактивного романа (если так можно выразиться) – знаменитая «Книга тысячи и одной ночи». Явление гипертекста также не ново для арабской словесной культуры: в ряде жанров традиционной арабской словесности существует тексту-

альное ядро, *матн*, и окружающий его текст, содержащий пояснения, – *хашийа*⁶. «Инаковость» электронного романа надо преодолеть. Его основой должен остаться естественный человеческий язык, а также специфическая романная эстетика – иначе интерактивный роман перестанет быть фактом литературы.

Цифровой роман в современных условиях должен служить делу сохранения мировой культуры, носить культурно-просветительный характер. С его помощью следует приучать молодежь к чтению подлинной, серьезной литературы. Таким образом, возможно, удастся сохранить мировую культуру, спасти ее от новой волны варварства, подобной той, что недавно поднялась в виде так называемой «арабской весны». Смысл существования арабского цифрового романа заключается в том, чтобы вернуть общечеловеческой культуре ее гуманную сущность.

Электронный роман и роман традиционный

Такой проблеме был посвящен доклад египетского литературоведа и писателя Ахмада Фадла Шаблула [2, с. 30], прочитанный 19 сентября на втором, дневном, заседании [2, с. 89]. Автор доклада отметил появление в современной арабской литературе ряда обычных романов (напечатанных на бумаге), в которых присутствуют мотивы и приемы электронного романного повествования. Среди самых ранних образцов подобных литературных произведений А. Ф. Шаблул называет «Эр-риядских девушек» (*Банат ар-Рийад*) саудовской писательницы Раджи 'Абдаллах ас-Сани' (2005). Другие арабские романы, относимые им к такой категории, это – «Параллельная самка» (*Унса мувазийа*) 'Али Саййида (2016), «Страж Фейсбука» (*Харис Файсбук*) Шарифа Салиха (2017), «Надежда моей жизни» (*Амал хайати*) Нахьи 'Асим (2019). В качестве еще одного примера подобной литературы египетский исследователь рассказал о своем собственном романе «Влюбленный камень» (*ал-Хаджар ал-'ашик*), который ко времени конференции еще не был опубликован. Фабула же его такова. В один прекрасный день экраны компьютеров во всем мире поменяли цвет – из синих сделались зелеными. Феномен этот был исследован учеными некоего американского университета. Оказалось, что цвет компьютерных экранов поменялся под воздействием зеленого камня, изумруда, находящегося в перстне одной дамы-профессора из Александрии. Изучение изумруда показало, что Аллах создал его вместе со Вселенной и что он способен вместить все знания, накопленные человечеством. Думается, что в романе (насколько о нем можно судить по пересказу) проявляется не только влияние эстетики электронного романа, но и традиционной арабской сказочной прозы, в которой весьма рас-

⁶ См. об этих понятиях традиционной арабской книжной культуры: [4, с. 99, 144].

пространен мотив волшебных камней-талисманов (это особенно характерно для так называемого египетского слоя «Книги тысячи и одной ночи») [5, с. 566, 577, 578].

Доклады, сделанные авторами электронных романов, в которых рассказано об их собственном опыте творчества в этом жанре

а) Роман доктора Райхам Хасани (АРЕ) [2, с. 19]⁷ «Человек, который находит [потерянное]» (*ал-Баррах*)⁸.

Насколько можно судить из изложения автора доклада, роман существует как в электронном, так и в «бумажном» виде. В первом случае в нем присутствуют две реальности – собственно текстовая и та, что выражена электронными изображениями и голограммами. Помимо того, в структуре романа присутствует и звуковой элемент – песни. Звуковое пространство появляется тогда, когда завершается определенный отрезок текста. Без звуковых отрывков фабула романа непонятна. «Бумажная» версия романа представляет собой две цепочки новелл – одна из них простирается от начала романа (новеллы, включенные в нее, носят реалистический характер), а другая – от конца (новеллы этой линии фантастичны). Обе цепочки новелл сходятся в середине романа и знаменуют собой окончание повествования.

б) Роман Мухаммада Санаджила (Иордания) [2, с. 21]⁹ «Тень любящего» (*Зилл ал-'ашик*)¹⁰.

Представляя автора, председательствовавший на заседании египетский литературовед Мадхат Джайяр [2, с. 56] сказал, что М. Санаджила один из ведущих молодых иорданских писателей, зачинатель цифрового романа в Иордании. В числе его произведений – один роман традиционный, один сборник рассказов и сборник статей, посвященных исследованию цифрового реалистического романа. На другой день (19 сентября) сам М. Санаджила сказал мне, что в настоящее время он ведет некий проект. В рамках этого проекта молодые писатели из разных стран создают на своих родных языках электронные текстовые фрагменты, которые будут объединены в единый интерактивный роман. Лично ко мне М. Санаджила обратился с просьбой порекомендовать какого-либо молодого русского писателя (с которым можно было бы объясняться по-английски), чтобы он принял участие в проекте.

⁷ Интересно отметить, что, по словам д-ра Р. Хасани, ее доклад основан на идеях русских формалистов.

⁸ Слова *ал-баррах* мне не удалось обнаружить ни в одном из доступных мне словарей. Из объяснений самой д-ра Р. Хасани явствует, что *ал-баррах* (видимо, это диалектальное слово) – название для человека, который обладает сверхъестественной способностью отыскивать потерянные вещи.

⁹ Мне представляется, что возраст писателя – около 40 лет.

¹⁰ Доклад был представлен самим писателем 18 сентября – на третьем, дневном, заседании (13.30 – 14.30) [2, с. 88].

М. Санаджила объяснил, что первый свой цифровой роман написал в 2001 г. Жанр цифрового романа обладает особым, новым художественным языком. Главным образцом и наставником в работе над интерактивными романами является для писателя Коран.

В романе «Тень любящего» прослеживается история бытия рода человеческого на территории современной Иордании от конца II тыс. до н.э. вплоть до нынешних времен. Автор рисует образы различных эпох, которые переживала его родная страна. Период арабо-мусульманской истории, отметил М. Санаджила, – всего лишь один из этапов истории Иордании, когда она и получила такое свое название¹¹. Таким образом, в романе, заявил писатель, воплотилась концепция непрерывности истории страны и ее народа¹². Роман представляет собой, по мнению М. Санаджила, и собственно художественное произведение, и компьютерную игру. В тексте «Тени любящего» присутствуют электронные отсылки, содержащие информацию об упоминаемых в нем исторических событиях. Без таких отсылок, полагает писатель, электронный роман не может считаться таковым. Таким образом, подытожил автор представление своего произведения, в нем имеются и словесный текст, и фрагменты из фильмов, и музыка, и пение. Все эти элементы образуют романский гипертекст (*ан-насс ал-мухаймин*; дословно «господствующий (или доминирующий) текст»).

После М. Санаджила кратко представил еще одно свое произведение, имеющее название, характерное для средневековой арабской литературы, – «Подарок зрителям касательно известий об эмирате» (*Тухфат ан-назара фи ахбар ал-имара*). Основой романа является фантастическая история о том, как корабль знаменитого арабского путешественника Ибн Баттуты (1304–1377) [9, с. 416–430] прибывает в нынешний эмират Дубай. Основой поэтики романа М. Санаджила, по его собственным словам, выступает прием остранения (термин, введенный В. Б. Шкловским (1893–1984) [10, с. 188–189]¹³ – современный аравийский мегаполис представлен через восприятие позднесредневекового путешественника, которому все удивительно и многое непонятно. Так, дубайские небоскребы Ибн Баттута в электронном романе М. Санаджила именуется «лесом

¹¹ Действительно, наименование Иордания (*ал-Урдунн*) впервые стало применяться в ходе арабо-мусульманских завоеваний (VII в.) для обозначения одного из военно-административных округов (джунд), образованных на территории исторической Сирии. Этот округ находился в пределах нынешнего Иорданского Хашимитского Королевства. [6, р. 882–883].

¹² Такая концепция национальной истории, насколько можно судить, характерна для современной общественной мысли весьма многих арабских стран. См., например, об этом: [7, с. 113; 8, с. 268–270].

¹³ Понятие «остранение» М. Санаджила передал описательно – *джа'л ал-мауду' ал-масуф гарибан* («представление изображаемой темы в странном виде»).

башен» (*габат ал-абрадж*). Что же до самой фабулы романа (человек из прошлого попадает в современный мир – в данном случае прием остра-нения оказывается весьма продуктивным и художественно убедитель-ным), то она, думается мне, испытала влияние фабулы одного из класси-ческих произведений новоарабской литературы «Рассказа ‘Исы ибн Хишама...» (*Хадис ‘Иса б. Хишам*) египетского писателя Мухаммада ал-Му-вайлихи (1858–1930)¹⁴.

в) Творческий путь ‘Абдаллаха ан-Ну’айми ОАЭ¹⁵.

Этот молодой писатель по образованию экономист. Служит в Министерстве воспитания и образования (*Визарат ат-тарбия ва-т-та’лим*) ОАЭ. Он – автор шести романов, в том числе и первого элек-тронного романа, опубликованного в его государстве (2012). По словам самого ‘А. ан-Ну’айми, это произведение представляет собой нечто вроде «живого журнала»: автор задал тематику проекта – рассказ о важнейших торговых центрах и галереях Дубая, о доступных там товарах. Ныне в проекте участвуют буквально десятки людей, которые делятся впечат-лениями о прогулках по дубайским магазинам.

г) Творческий опыт зачинателя арабского электронного романа ‘Абд ал-Вахида Иститу (Марокко)¹⁶.

Первым электронным романом, над которым стал трудиться писа-тель (работа над ним продолжается и по сей день), стал роман «Всего на расстоянии одного метра» (*‘Ала бу’д матр вахид факат*)¹⁷. Сам ‘А. Иститу пишет по одной главе, как он выразился, кратко и емко, в течение двух дней. Главы сразу же публикуются в Фейсбуке. Там же помещаются фото и видеоматериалы. В рамках романа опубликована и особая песня. Читатели, как подчеркнул автор этого проекта, очень многое изменили в первоначальном замысле. Их идеи приходят к нему через Фейсбук. В настоящее время количество читателей «Всего на расстоянии одного метра» насчитывает 7 тыс. человек. Для многих из них это был первый в жизни прочитанный роман.

¹⁴ См. русский перевод этого произведения: [11].

¹⁵ См. о нем: [2, с. 22]. Его выступление прозвучало 18 сентября на дневном заседании (13.30 – 14.30) [2, с. 88].

¹⁶ См. о нем: [2, с. 32]. ‘А. Иститу выступил 19 сентября на дневном заседании (13.30–14.30) [2, с. 89]. Весьма своеобразен внешний облик этой знаменитости современной арабской электронной литературы. Присутствуя на заседаниях конференции в качестве слушателя, ‘А. Иститу был одет в синие традиционные марокканские шаровары, кожаные коричневые туфли без задников на босу ногу, рубашу навыпуск, а поверх нее – бурнус. Голова писателя обрита наголо. На свой собственный доклад он пришел в европейском костюме с галстуком.

¹⁷ Помимо того, ‘А. Иститу – автор еще одного интерактивного романа «Танжер» (*Тан-джа*), одного традиционного романа и сборника рассказов [2, с. 32].

Считаю своим долгом подчеркнуть, что все прослушанные мною доклады были сделаны на высоком профессиональном уровне, логично и информативно. Как русскому человеку и российскому научному работнику, мне было особенно радостно слышать из уст арабских коллег имена М. М. Бахтина и В. Я. Проппа, теоретические построения которых хорошо известны в арабском мире, а также упоминания о научных достижениях русских формалистов и конкретно Б. В. Шкловского (см. об этом выше). Словом, отечественная гуманитарная наука, как показывает мой опыт участия в данной конференции, приобрела поистине всемирный характер.

Остановившись на содержании выступлений, отмечу, что они, как мне представляется, выявляют глубинную связь между сугубо современным явлением арабской культуры – электронным (интерактивным) романом и традициями арабской словесности эпохи Средневековья, а также новоарабской литературой (которая тоже в значительной мере близка средневековой словесности). Это во многом можно объяснить традиционалистским в целом характером современной арабской культуры.

Как и на предшествующей конференции, ее участникам была предоставлена возможность не только работать, но и развлечься. На этот раз единственным развлекательным мероприятием оказался дружеский ужин, данный в честь гостей иорданскими писателями. На этот ужин я также получил приглашение. Насколько могу судить, инициаторами мероприятия были иорданские писатели Самиха Харис [2, с. 70] и Ильяс Фаркух [2, с. 64]¹⁸.

Ужин проходил в небольшом ресторане в исторической части Аммана. Туда организаторы доставили гостей несколькими автомобилями. За столом оказались далеко не все участники конференции. Первоначально подали сиро-ливанские закуски (*мезза*), затем – ассорти жареного мяса. Кушанья мы запивали соками и лимонадами. Трапезу завершили чаепитием с пирожными.

Напротив меня сидел марокканский литературовед Са'ид Йактин, уроженец знаменитого города Феса [12, с. 264–293], в настоящее время постоянно живущий и работающий в Рабате [12, с. 183–207]. Воспользовавшись этим обстоятельством, я стал рассказывать о том, как в первый раз оказался в Марокко в декабре 2011 г., как удалось побывать во многих городах этой страны, в том числе и в прекрасном Фесе, где

---

¹⁸ Писатель Ильяс Фаркух – православный, чад Иерусалимской Православной церкви. Ему весьма импонировало, что я не только иностранец, говорящий по-арабски, но и православный русский человек.

познакомился с неким потомком Идрисидов¹⁹, образованным человеком, владельцем фермы, где он трудится самолично. Рассказал и о том, как в одном из книжных магазинов Рабата приобрел знаменитый многотомный арабский толковый словарь *Лисан ал-'араб* («Язык арабов») [14]²⁰. Поразительно, отметил я, работники книжного магазина, где была осуществлена покупка, не говорили ни на арабском литературном языке (*ал-фусха*), ни по-французски, однако прекрасно меня понимали и сразу же принесли то, что мне было нужно. Видимо, они привыкли разговаривать между собой на марокканском диалекте, хотя литературный язык прекрасно понимают. Что же до французского языка, то он за годы независимости в некоторых социальных средах современных марокканцев оказался забыт. В ответ на это доктор Йактин сказал, что, как бы то ни было, *фусха* остается основой современного арабского языка. Зная литературный арабский язык, можно в течение тридцати минут приспособиться к любому диалекту²¹.

Моему марокканскому визави весьма понравилось, что я интересуюсь историей и культурой не только его родной страны, но и родного города. Когда Идрис II (793–828) [16], сказал он, перенес в Фес, основанный его отцом, столицу своего государства, он стал мыслить этот город прежде всего как центр культуры, а не как средоточие ремесла и торговли. Поэтому, мол, в Фесе цены до сих пор несколько ниже, чем во всем остальном Марокко. Услышав речи марокканского коллеги, причастность к Марокко пожелала подчеркнуть и суданская писательница Асма' (Эн) ас-Сафи [2, с. 58] (она располагалась за столом левее меня): ее дед родился на юге Марокко; при французах был старостой в родной деревне; после переселился в Судан.

Вскоре на особом возвышении в зале ресторана уселся музыкант, положил на колени лютню и принялся играть на ней и петь. Под воздействием музыки и пения мои сотрапезники, закрыв от восторга глаза, стали раскачиваться в такт мелодии, время от времени произнося восторженные возгласы. По-арабски такое состояние передается глаголом

---

¹⁹ Идрисиды (788–985) – династия, правившая землями, относящимися к территории современного Марокко. Была основана бежавшим в Северную Африку Идрисом б. 'Абдаллахом б. ал-Хасаном б. ал-Хасаном б. 'Али б. Абу Талибом (ум. 793). [13, с. 33]. Потомком Идрисидов считал себя и участник конференции, марокканский литературовед доктор Рашид ал-Идриси [2, с. 18]. (Наш разговор о его происхождении состоялся за обедом 19 сентября.) Когда Идрисидское государство пало, сказал мой собеседник, родственники правящего дома разбежались кто куда, большинство ушли на юг. После же Идрисиды, чаще всего носящие фамилию *ал-Идриси*, расселились и по остальным городам и весям Марокко.

²⁰ О выдающемся арабском лексикографе Ибн Манзуре см.: [15, р. 865].

²¹ Как ниже увидит читатель, проблема взаимоотношения арабского литературного языка и местных арабских диалектов поднималась и в беседах с другими участниками конференции.

тариба («он был (стал) взволнованным вследствие радости, горя; он радовался, веселился, печалился») [17, с. 475]. Говорили, что исполняемые напевы – андалусского происхождения. Я же не преминул заметить, что слушал андалусскую музыку в декабре 2009 г. в г. Алжире на приеме, данном Министерством культуры Алжира в честь участников Международного конгресса переводчиков художественной литературы, а после, в 2011 г., и в Марокко.

В восторге от того, что собственными глазами вижу, как традиционная арабская музыка воздействует на носителей арабской музыкальной культуры, я рассказал моим арабским друзьям новеллу, приводимую великим арабо-мусульманским историком ал-Мас'уди (ум. 956): знаменитый музыкант Исхак б. Ибрахим ал-Маусили (763–850) [18, р. 110–111] повстречал в покоях Харуна ар-Рашида (786–809) [19, р. 232–234] шайтана, представшего перед ним в образе прекрасного юноши, выучил от него чудесную песню, после пропел ее халифу и его приближенным и получил от восхищенного государя щедрую награду²². В ответ доктор Са'ид Йактин поведал такую историю. Однажды Исхак ал-Маусили пел у Харуна ар-Рашида, сопровождая себя на лютне. Исполнение певца и музыканта халифу не очень понравилось, государь счел, что Исхак поет и играет ниже своих возможностей и упрекнул его за это. Исхак же сказал, что причина заключается в том, что он играет не на своей собственной лютне, а на инструменте из халифского дворца. Тогда Харун ар-Рашид распорядился отправить в дом Исхака слугу, который принес любимую лютню мастера. Тогда ал-Маусили сыграл и спел так, что все восхились. Так что, подытожил доктор Йактин свой рассказ, успех или неуспех выступления заключается в той лютне, на которой играет музыкант.

Должен подчеркнуть, что доктор Йактин представил рассказ о лютне на литературном арабском языке, в котором были весьма заметны элементы марокканского диалекта. Это обстоятельство натолкнуло меня на предположение о том, что, возможно, он почерпнул эту историю не из книг, а из устных повествований, бытующих в его среде.

Разнежившиеся от музыки и пения, по-прежнему звучавших в зале ресторана, мои коллеги стали восхвалять мастерство певца и музыканта, которому все покоряется. Поддерживая тему разговора, я сказал, что еще в древности люди познали силу воздействия музыки. Ведь рассказывают, будто когда играл мифический финский певец и музыкант Вяйнямейнен, даже рыбы высовывали из воды головы и, открыв от восторга и удивления рты, вслушивались в его чудесные напевы [21, с. 335]. Видимо, не осознав фольклорного характера моей реплики, доктор Са'ид

²² См. мой перевод этой новеллы: [20, с. 154–155].

Йактин ответил, что предание о воздействии игры Вьяньямейнена, конечно, содержит преувеличение, однако весьма правдоподобно.

Скорее всего, писатель М. Санаджила, питомец культуры исторической Сирии (куда исконно и относилась территория современной Иордании), почувствовал себя задетым тем, что в связи с музыкой и пением разговор идет все о Марокко да о Марокко. Поэтому, наклонившись ко мне, он поделился следующими соображениями по истории арабской музыкальной культуры. Она, безусловно, зародилась в восточной части арабского мира (ал-Машрике). Родина собственно арабской музыки – Мекка и Медина. Когда в Халифате установилась власть династии Омейядов (661–749) [22], халифы принялись буквально заваливать соплеменников Пророка, курайшитов, а также его сподвижников и их потомков деньгами, чтобы те оставили претензии на халифство, но предали бы жизненным удовольствиям. Тут курайшиты и коренные мединцы стали приглашать к себе учителей-иноплеменников (*ал-а'аджим*), т. е. иранцев и греков, и перенимать у них искусство игры на музыкальных инструментах, пения и танцев. Впоследствии возникли собственные школы этих художеств в Медине и Мекке, откуда музыкальное и танцевальное искусство стало распространяться в Сирию, Ирак и Египет, в ал-Магриб и ал-Андалус²³.

Здесь я лишь вкратце привожу темы бесед, слушателем которых оказался за этой дружеской трапезой. Мне приятно думать, что ужин, на котором мне посчастливилось побывать, представляет собой живое продолжение исконной традиции особых собраний образованных людей, *маджалис*. Участники таких встреч наслаждались не только изысканными кушаньями, но также восторгались мастерством музыкантов и вели разговоры о высоких материях²⁴.

Рассказывая о том, что происходило на конференции и вокруг нее, нельзя обойти вниманием и другие впечатления и сведения, которые мне удалось собрать во время описываемой поездки в ходе общения не только с участниками форума, но и с другими людьми.

Разумеется, как с русским человеком, владеющим арабским языком, со мной многие говорили о России и русской культуре. Порой разговор о русской культуре сочетался с беседой о культуре арабской.

Именно в таком ключе мне довелось побеседовать с литературоведом из Бахрейна доктором Дийа' ал-Ка'би [2, с. 49] (беседа состоялась 18 сентября). Бахрейнская коллега сказала, что хотя в России и не бывала и лишь мечтает ее посетить, но по книгам знакома с музеями и многими архитектурными достопримечательностями Петербурга. Ей весьма хорошо известны многие факты российской истории, в част-

²³ См. об арабской музыкальной культуре эпохи правления Омейядов: [23, с. 62–63].

²⁴ См. об этом феномене арабо-мусульманской культуры: [24, с. 56–58].

ности история русской революции. Русские революционеры, считает она, вдохновлялись идеями Великой французской революции, сознательно, как и их французские предшественники, совершали массовые жестокости. Значительная доля ответственности за запуск маховика революционной машины, считает моя бахрейнская собеседница, лежит на последнем российском государе, который отрекся от престола и таким образом покинул вверенную ему Богом страну и ее народ на произвол судьбы.

Принципиально иной тип государственного деятеля, с ее точки зрения, сильного и ответственного, являет египетский президент Г. А. Насер (1918–1970), культовый исторический герой для родителей моей собеседницы. Вообще же, полагает она, для арабского сознания характерно почитание героев, выдающихся исторических личностей, которые являются в нужный момент, подобно ал-Махди²⁵, чтобы спасти арабскую нацию. Причем, считает Д. ал-Ка'би, арабам импонирует даже и жестокость того или иного исторического деятеля – только бы он был победителем. Так, им очень по сердцу победитель монголов, мамлюкский султан Байбарс (правил 1260–1277)²⁶. О нем сложили народный роман (*сира*)²⁷, который еще в первой половине XX в. исполнялся в каирских кофейнях. А вот победитель крестоносцев и освободитель Иерусалима

---

²⁵ Ал-Махди («ведомый верным путем») – согласно мусульманскому вероучению, последний преемник пророка Мухаммада, провозвестник близкого Судного дня. Не упоминается в Коране, однако его образ подробно разработан в хадисах. В рамках суннитского ислама мыслится как ожидаемый правитель, который восстановит первоначальную чистоту ислама и наполнит мир справедливостью [25, с. 163].

²⁶ Имеется в виду четвертый египетский султан мамлюкской династии *бахри* («династии реки») ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин ас-Салихи Байбарс [Первый], выдающийся государственный и военный деятель. По происхождению он был кипчакским (половецким) невольником. Еще не став султаном, взял в 1250 г. в плен в ходе битвы под ал-Мансурой (в Нижнем Египте) французского короля Людовика IX Святого. В 1260 г., при 'Айн Джалуте (Палестина), Байбарс командовал авангардом мамлюкского войска, руководимого султаном Кутузом (1259–1260), в битве против монголов, возглавляемых Кутбгой Ноеном. Монгольское войско было наголову разбито, а Кутбуга взят в плен и казнен. Байбарс пришел к власти в результате убийства султана Кутуза. Он упорядочил государственные дела и расширил пределы державы. Принял в Каире предполагаемого родственника аббасидских халифов, уцелевшего после разгрома монголами Багдада в 1258 г. Признал его духовным главой мусульман-суннитов, что положило начало династии номинальных аббасидских халифов в Каире, просуществовавшей до присоединения Египта к Османскому государству в 1517 г. Еще при жизни султан Байбарс сделался персонажем легенд, а впоследствии – героем популярного простонародного (лубочного) романа (*сиры*) [26, р. 1124–1126].

²⁷ См. об этом народном романе: [5, с. 650–657].

(ал-Кудс) Салах ад-Дин²⁸ арабам не очень импонирует, так как он вел себя с крестоносцами слишком великодушно. К тому же в Западной Европе сложился позитивный образ Салах ад-Дина (Саладина), который олицетворял для западноевропейцев идеального рыцаря, – это обстоятельство также не слишком нравится современным образованным арабам.

Сама д-р Д. ал-Ка'би – специалист в сфере средневековой арабской нарративной прозы (доисламские арабские прозаические предания «Дни арабов» (*Аййам ал-'араб*) [27, с. 26–35], народные романы (*сийар*) [5, с. 595–664], макамы (ученые новеллы, написанные рифмованной прозой). Любимый ее автор – создатель жанра макам ал-Хамазани (969–1008), который был подлинным творцом (о чем свидетельствуют тексты сочиненных им макамов). А вот другой знаменитый писатель, работавший в этом жанре, ал-Харири (1054–1122), сильно уступает своему предшественнику, потому что отдает предпочтение форме перед содержанием²⁹.

Еще один памятник средневековой арабской письменности, над исследованием которого работала д-р Дийа', это *Китаб ал-агани* («Книга песен») Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (897–967)³⁰.

Связывая тему нашей конференции с арабским наследием (ведь такая тенденция, как мы помним, проявилась в ряде выступлений), моя бахрейнская коллега отметила, что классическая арабская проза по своей природе интерактивна – ей присуща высокая степень диалогичности.

Большой поклонницей России и русской культуры оказалась суданская журналистка, прозаик и поэт Асма' (Эн) ас-Сафи [2, с. 58], проживающая и работающая в настоящее время в ОАЭ (беседа состоялась 19 сентября). Наверное, склонность моей собеседницы к России частично объясняется и ее семейной историей. Дело в том, что отец Асмы,

---

²⁸ Имеется в виду Йусуф б. Аййуб Салах ад-Дин ал-Аййуби (1138–1193; правил 1169–1193) – знаменитый основатель династии Аййубидов (1169–1250), герой борьбы против крестоносцев, курд по происхождению. Сын военачальника Аййуба б. Шади, поступившего на службу к правителю Дамаска Нур ад-Дину Занги. В 1169 г. Салах ад-Дин был назначен вазиром фатимидского халифа ал-'Адида. В 1171 г., еще прежде захватив власть в Египте, провозгласил над собою главенство Аббасидов и получил от них титул султана (1174). В 1174–1186 гг. подчинил себе сирийские земли и ряд иракских территорий. В 1187 г. разгромил крестоносцев при Хитгине (Палестина), взял Иерусалим и изгнал «франков» из большей части Палестины и Сирии. Во внутренней политике способствовал развитию системы *икта'* (ленных пожалований), стремился к некоторому снижению налогов, способствовал упрочению суннитской ортодоксии. В арабском историческом предании сохранился образ Салах ад-Дина как великодушного и милостивого человека. В западноевропейской культуре эпохи Средневековья и Возрождения Салах ад-Дин (Саладин) – идеал благородного рыцаря. См. о нем: [27, с. 276–287].

²⁹ См. о макамах и о двоих самых знаменитых писателях, работавших в этом жанре: [5, с. 275–316].

³⁰ См. об этом замечательном памятнике средневековой арабской словесности и ее авторе-составителе: [28, с. 47–48]. См. также перевод избранных жизнеописаний арабских стихотворцев из этого собрания: [29].

военный связист, в свое время учился в СССР. Двое братьев уже в постсоветское время получили образование на Украине, женаты на украинках, в настоящее время проживают с семьями на Украине – «там все равно лучше, чем в Судане».

Любимой персоной русской культуры для Асмы является А. С. Пушкин, ибо он – «великий человек, порожденный Африкой». Суданская писательница сочинила стихотворение о трагической гибели нашего поэта – его кровь оросила даже сибирские снега, на которых благодаря этому расцвели розы. Еще Асма' рассказала мне о недавно написанном ею романе, в котором она в символической форме изобразила разграбление музеев в Ираке, Ливии и Сирии.

В отличие от Д. ал-Ка'би и Асмы (Эн) ас-Сафи, алжирская прозаик и поэтесса Фатиха 'Абд ар-Рахман (она родилась в алжирской столице; в последние годы живет и работает в Египте; наша беседа состоялась 17 сентября) относится к России и россиянам с некоторой степенью настороженности. «У вас, русских, – сказала она, – очень странная психология, коренным образом отличная от нашей. Вы – смесь европейцев и азиатов, поэтому с вами сложно общаться». Сын моей собеседницы проявил замечательные способности в сфере математики, и его собирались отправить за государственный счет на учебу в Россию. Отец же молодого человека решительно этому воспротивился – именно по причине необычности и непривычности российского менталитета.

Однако наиболее ярко влияние нашего Отечества на современный арабский мир (причем, думается, в позитивном ключе) проявилось в судьбе и речах иорданской писательницы Кафы аз-Зу'би [2, с. 72] (мы познакомились 18 сентября; также беседовали 19 сентября). Мадам Кафа подошла ко мне после утреннего заседания 18 сентября и сказала по-русски, что очень рада видеть человека из России, ведь она училась в нашей стране и часто приезжает в Петербург и Москву. Она считает, что предназначение России – быть сильной, великой державой. Такой она была при И. В. Сталине и такой она становится при В. В. Путине.

Сама Кафа окончила ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт; ныне – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный институт (СПбГАСУ)). Муж – выпускник ГИТИС (ныне – Российский институт театрального искусства). Двое их детей, выросшие в России, также связали свою судьбу с искусством – сын окончил Московскую консерваторию, а дочь учится на режиссерском факультете ГИТИС, оба имеют российское гражданство.

Не желая сидеть сложа руки, Кафа с мужем взяли в аренду у государства старый кинотеатр, отремонтировали и разместили в нем свой собственный молодежный драматический театр, который называется *Масрах аш-шамс* (Театр солнца). Идея репертуарного театра, подчеркнула Кафа, для Иордании еще нова, однако вокруг организаторов Театра

солнца сплотился самодеятельный актерский коллектив – интеллигентные молодые люди.

Кафа, ее супруг и их единомышленники желали бы, чтобы их поддерживала Россия. По этому вопросу они обращались в российское посольство, но дальше разговоров дело не пошло. Напротив, американцы готовы помочь проекту, однако писательница и ее муж-режиссер против такого покровительства.

В современном иорданском обществе, как считает моя собеседница, действует существенный фактор, в значительной мере препятствующий бытованию светской культуры и светского образа жизни. Это – нарастающие исламистские настроения. По ее мнению, в основе своей нынешние исламистские движения зародились и стали развиваться при финансовой поддержке США. Теперь в иорданских школах усиленно насаждаются религиозные принципы. Фразы и целые пассажи религиозного характера включены даже в учебники по математике и естественным дисциплинам. В адрес ее знакомых, которые поддерживают светский режим в Сирии, нередко поступают угрозы.

Вечером 18 сентября Кафа показала мне свой театр и познакомила с некоторыми из молодых людей, занятых в спектаклях Театра солнца. Представилось, будто я нахожусь в каком-нибудь московском театре или театральной студии. На стенах фойе – портреты крупнейших русских и западноевропейских драматургов – Шекспира, Пушкина, Чехова, Горького, Шоу, Брехта.

Сели пить чай: Кафа, ее супруг, зять Кафы (муж сестры) – иорданский писатель, а также участник нашей конференции Хашим Гарайба [2, с. 75]³¹. Говорили вот о чем.

Нужна ли современному арабскому миру традиционная арабская культура? – Нужна, но в трансформированном, модернизированном виде.

Развивается ли арабский язык? – Арабский литературный язык условно развивается, однако слишком медленно, порой не соответствуя потребностям современности. Важнейшей особенностью арабского языка остается бытование литературного языка и диалектов (по-научному это называется диглоссия). Только в своей родной деревне (что на сирийской границе) Хашим Гарайба насчитывает пять диалектов (или же говоров; о некоторых этнографических особенностях этого населенного пункта будет сказано со слов Х. Гарайба ниже). Современные диалекты ал-Магриба (Марокко) происходят от древних йеменских диалектов, носители которых попали на край Северной Африки во время арабо-мусульманских завоеваний. Тогдашние йеменские диалекты были весьма архаичными, так как в их основе лежал древний семитский язык Йемена – химьяритский (называемый также южноарабским

³¹ О Хашиме Гарайба более подробно речь пойдет ниже.

[30, с. 43–44]. – Д. М.). Химьяритская основа, как полагает Х. Гарайба, прослеживается в магрибинских диалектах до настоящего времени³².

Итоги первого тура президентских выборов в Тунисе (15 сентября 2019 г.: народной поддержкой пользуются независимые кандидаты, которые ни в чем не замешаны).

Ведущая роль Израиля на Ближнем Востоке.

Феномен современных женских, так называемых мусульманских одеяний. По мнению Х. Гарайба, до 1967 г. такие одежды в арабских странах Персидского залива были неизвестны. Тамошние женщины носили традиционные народные костюмы. И в странах Персидского залива, и в других частях арабского мира элементы так называемой подлинной женской исламской одежды стали распространяться под саудовским влиянием и, таким образом, представляют собой нововведение, а не исконный элемент арабской бытовой культуры³³.

Когда мы завершили чаепитие и беседу, был уже двенадцатый час, и мадам Кафа любезно отвезла меня в отель.

В Аммане, еще до начала конференции, в особенности 16 сентября, мне посчастливилось собрать интересный этнографический материал. Моими информаторами были амманские водители. Одним из моих знакомых этой социальной категории оказался шофер автомобиля, обслуживающего постояльцев отеля «Мариотт», где я был размещен наряду с другими участниками конференции. С ним мы совершили поездку к историческому центру города. Узнав, что моего нового знакомого зовут Мухаммад Сулайман ал-Джилани, я спросил, не приходится ли он родственником знаменитому суфию 'Абд ал-Кадиру ал-Джилани (1077–1166) [32, с. 65–66], и господин Мухаммад с гордостью подтвердил это мое предположение³⁴. По его словам, исторически потомки шейха ал-Джилани проживают в г. аз-Зарка³⁵. В Аммане они размещаются в осо-

³² См. о проблеме характера химьяритского языка и возможном его влиянии на формирование собственно североарабских диалектов: [31, с. 154–162]. Доктор филологических наук А. Г. Белова полагает, что для констатации наличия химьяритской основы (субстрата) в современных магрибинских диалектах не хватает эмпирических данных (устное сообщение).

³³ На амманских улицах мне доводилось видеть местные молодые супружеские пары, одетые чрезвычайно противоречиво: жена в платье до пят и «мусульманском» платке, а муж – в длинных шортах и в майке с короткими рукавами. На западных туристок в шортах и майках никто внимания не обращает.

³⁴ Этому моему информатору во время нашего разговора (16 сентября 2019 г.) было 43 года. Он среднего роста, темный шатен, худощав. На безымянном пальце правой руки носит перстень с переливающимся красным камнем.

³⁵ Аз-Зарка' – город, располагающийся в 23 км к северо-востоку от Аммана. В качестве поселения городского типа образован в 1899 г. как место дислокации османского гарнизона, призванного оборонять территорию нынешней Иордании от бедуинских набегов. По данным на 1996 г., население аз-Зарки превышало 500 тыс. человек [33, р. 460].

бом квартале, располагающемся в местности под названием Джабал ат-Тадж³⁶. В масштабах всей страны объединены в особую ассоциацию, которая именуется *Джам'иййат аулад 'Абд ал-Кадир ал-Джилани* (Ассоциация потомков 'Абд ал-Кадира ал-Джилани). Ее председатель (*ра'ис*) господин Халил ар-Рахман Абу Башшар ал-Джилани – лицо, покровительствуемое королем. Монарх пожаловал главе потомков великого шейха звание почетного министра (*лакаб вазир аш-шараф*).

Другим амманцем, с которым меня свела судьба в тот день (16 сентября), был немолодой водитель такси, по происхождению палестинец³⁷. Он родился на Западном берегу, недалеко от г. Хеврон (ал-Халил) [35, р. 955–961], в селении Дура-л-Халил³⁸. По его мнению, палестинцы составляют до 60% процентов населения современной Иордании. Жена его из тех же краев. Этой супружеской паре Бог послал четверых сыновей и одну дочь. Дочь – медсестра, вместе с мужем-врачом работает в Саудовской Аравии. Все сыновья имеют высшее техническое образование. Один из них, инженер по прокладке газопроводов, во время нашей беседы был безработным.

Сам мой собеседник окончил Педагогический колледж (*Ма'хад ал-му'аллимин*) в Аммане (учился в течение двух лет, 1976–1978). После 18 лет (до 1996 г.) работал в Саудовской Аравии учителем начальных классов, в некоем селении недалеко от границы с Йеменом. В то время саудовские школы испытывали насущную потребность в учителях; поэтому государство приглашало на работу многих педагогов из других арабских стран. В последнее же время, по его мнению, профессия учителя «саудизировалась».

Педагогический опыт моего собеседника свидетельствует, что саудовские дети обладают замечательной памятью. Многие из них могут запоминать со слуха длинные коранические пассажи, а также отрывки из других книг. Такая способность помогает получать дальнейшее образование и делать успешную профессиональную карьеру. Благодаря подобным ментальным качествам один из учеников моего собеседника стал замечательным врачом-кардиологом, а другой – генералом ВВС. Ученики, сказал мой информатор, не забывают о своем учителе, навещают и привозят подарки.

В повседневном общении, говорил водитель, саудовцы обращаются с арабами из других стран весьма доброжелательно, без тени высокомерия. Тем не менее далее оставаться в Саудовской Аравии было нельзя,

³⁶ Джабал ат-Тадж – местность в северной части современного Аммана [34].

³⁷ Мой собеседник, как оказалось, родился в 1956 г. Худощавый, лысоватый, ниже среднего роста. По его словам, с 43 лет страдает диабетом.

³⁸ Возможно, мой информатор имел в виду небольшой палестинский город Дура, расположенный в 7 км к юго-западу от г. Хеврон (ал-Халил) [36].

так как приглашенным на работу арабам саудовские власти практически не предоставляют гражданства.

Третий водитель (с ним я возвращался в отель) – пожилой коренной иорданец, родом из некоей деревни в провинции (*мухафаза*) ал-Балка³⁹. Жена его происходит из того же селения и той же семейно-родственной группы (*'ашира*).

Как я убедился, на семейно-родственных принципах основывается функционирование фирмы, что занимается торговлей сувенирами и ювелирными изделиями, – *Базар Камал ал-Афгани*. В ней практически все должности занимают родственники, потомки некоего афганца, когда-то обосновавшегося в Иерусалиме (от него происходит фамилия этого семейства). В 1947 г. (или 1948) семья переселилась в Амман, где владеет несколькими магазинами.

Среди прочих людей, встреченных мною в Аммане, хочу упомянуть египтянина, продавца продуктовой лавочки. Он родом из Бани Сувайф (Южный Египет)⁴⁰. Работает в Иордании уже пять лет. Жена с детьми остались дома; мой собеседник ежегодно ездит их навещать.

В историческом центре города видел лавку, которую, по всей видимости, держат эмигранты из Ирака – на ее дверях красуется портрет Саддама Хусайна, под которым подписано: «Павший герой Саддам Хусайн» (*Аш-Шахид ал-батал Саддам Хусайн*). Сумеют ли хозяева повторить судьбу семейства ал-Афгани (т. е. укорениться в иорданской столице), покажет время.

Среди этнических и субэтнических групп, составляющих население современной Иордании, заметное место занимает так называемая черкесская община, сообщество потомков выходцев с Северного Кавказа. Ни с кем из них в ходе описываемой поездки мне познакомиться не довелось. Тем не менее речь об иорданских черкесах зашла, когда мы 19 сентября направлялись из отеля «Мариотт» к ресторану, где состоялся уже описанный мною дружеский ужин. Тогда коллега Ильяс Фаркух показал место, где во время печально знаменитого «Черного сентября» (1970) шли особо ожесточенные бои между палестинскими ополченцами и правительственными войсками [39, с. 409]. Черкесская гвардия, понятное дело, подчеркнул И. Фаркух, была на стороне короля. Дело в том, объяснил он, что черкесы как меньшинство всегда поддерживают государство (возможно, моему собеседнику, принадлежащему к православному меньшинству, такая позиция особенно понятна). Правда, не исключил И. Фаркух, среди палестинских ополченцев могли

³⁹ Ал-Балка' – провинция (*мухафаза*), располагающаяся в восточной части современной Иордании. Главный город – ас-Салт [37].

⁴⁰ Бани Сувайф (на отечественных географических картах – Бени-Суэйф) – город, расположенный в 120 км южнее Каира [38, р. 1016].

быть отдельные черкесы, присоединившиеся к вооруженным силам ООП по сугубо личным мотивам⁴¹.

Полагаю, что все же наиболее яркую информацию этнографического характера мне удалось получить от иорданского писателя Хашима Гарайба (17 сентября)⁴².

Так вот, Х. Гарайба происходит из деревни Хаввара, что на севере Иордании, недалеко от сирийской границы⁴³. Жена его (она родная сестра Кафы аз-Зу'би) родилась в соседнем городке, ар-Рамта (или ар-Рамса)⁴⁴, жители которого традиционно занимаются контрабандой через сирийскую границу. Фамилия моего информатора происходит от прозвища родоначальника – *Гариб* (Чужак): он в старину, еще во времена Османской империи, пришел в деревню из неких далеких мест и нашел себе земельный надел, где и обосновался. *Гарайба* – диалектальное множественное число от слова *гариб*. Таким образом, родовое имя потомков родоначальника господина Хашима (Чужаки) – название семейно-родственной группы (патронимии) (арабск. *'ашира*), сочленами которой они являются. В настоящее время, по словам господина Хашима, взрослых его сородичей, которые принимают участие в выборах, примерно шесть тысяч. К ним следует прибавить еще и детей⁴⁵.

Различные семейства, входящие в состав семейно-родственной группы, рассказывают разные предания о происхождении родоначальника. Сам он наиболее достоверными полагает следующие три версии.

Предки родоначальника происходят из ал-Андалуса (Мусульманской Испании).

Родоначальник (род и племя его неизвестны) отправился в хаджж и по возвращении осел в деревне Хаввара.

Он родом из Хеврона (ал-Халила). По какой-то причине покинул родные места и добрался до Хаввары.

---

⁴¹ О черкесах в Иордании см.: [40]. Конкретно о роли иорданских черкесов в вооруженных силах см.: [40, с. 97–98, 103, 105–107].

⁴² Помимо сведений самого общего характера об этом моем иорданском знакомом, содержащихся в материалах конференции [2, с. 75], о нем удалось почерпнуть и более конкретную информацию: Хашим Гарайба родился в 1953 г. Изучал экономику и управление в Университете ал-Йармук (Ирак, Багдад). Состоял членом Иорданской коммунистической партии, за что подвергся десятилетнему тюремному заключению. Работал учителем средней школы, государственным служащим, журналистом. Автор ряда романов, а также сборников рассказов и публикаций в сфере литературной критики [41, задняя сторона обложки]. Эта книга была мне любезно преподнесена автором.

⁴³ См. об этой деревне: [42].

⁴⁴ См. об этом городке: [43].

⁴⁵ Помимо родной семейно-родственной группы Х. Гарайба, в селении проживают также патронимии *аш-шанатва*, *ал-карасна*, *ал-джамал*, *аш-шар'*, *ал-килана*, *гизлан*, *таштуш*, *савалха*, *гафнан*, *ар-равашда*, *ал-лаввабна*, *ал-гизлан*, *гизал* [42].

Господин Хашим весьма интересуется устными преданиями, что продолжают бытовать среди жителей его родной деревни, родственников и соседей. Такой интерес пробудил в нем дед, который вообще значительно повлиял на формирование мировоззрения своего внука. Дед сам был замечательным рассказчиком. В его *диване* (т.е. помещении для приема гостей) всегда было полно народу – всем хотелось послушать его рассказы⁴⁶. А деду было что поведать людям – он помнил османские времена, знал турецкий язык, был свидетелем прихода англичан и народного сопротивления, оказанного им; жил под сенью Хашимитского Королевства с самого начала его существования⁴⁷.

Господин Х. Гарайба, как он сам объяснил, получил высшее образование в Ираке, а не в Иордании, потому что таковое для выходцев из небогатых семей на родине было недоступно. Молодые люди вроде него уезжали на учебу либо в Советский Союз, либо в Сирию, либо в Ирак, где тогда образование было бесплатным.

Выйдя на пенсию, господин Хашим поселился в родном доме и занялся выращиванием пшеницы, овощей и фруктов, т.е. стал кормиться от плодов рук своих. Сельскохозяйственную технику и инвентарь берет взаймы у соседей.

Сейчас он собирает материалы о цыганах (*ал-хаджар* или *ан-навар*, как их назвал господин Х. Гарайба)⁴⁸, группы которых проживают недалеко от его родного селения, записывает их устные рассказы. У цыган свой собственный язык, но практически все они говорят по-арабски со специфическим акцентом. Зарабатывают на жизнь гаданием⁴⁹ и мелкими ремеслами. Славятся как мастера изготовлять искусственные зубы. Постоянно поют и пляшут. Цыганки одеваются дорого и ярко (мол, от женщин исходит радость, поэтому и облачения их должны быть радостными). Мужчины же носят обыкновенную одежду.

⁴⁶ Объясняя мне, что такое, согласно словоупотреблению его родной округи, *диван*, господин Хашим сказал, что это – место, где рассказываются участники некоего собрания. В расширенном смысле, *диван* – книга или тетрадь, в которой собраны записи рассказов. Известно старинное выражение *аш-Ши'р диван ал-'араб* («Поэзия – архив (запись) [деяний] арабов»). Такое выражение, полагает мой собеседник, возникло от того, что доисламские арабы, когда собирались, чтобы декламировать друг другу стихи, помимо того вели между собой беседы.

⁴⁷ Великобритания оккупировала Палестину, в которую в то время входила и территория нынешней Иордании, в 1917 г. Мандат на управление Палестиной был получен Великобританией от Лиги Наций в 1919 г. Эмират Трансиордания (в восточной части подмандатной Палестины) был образован в 1921 г. [39, с. 247–248, 390]. 22 марта 1946 г. эмират Трансиордания был признан независимым государством (в связи с ликвидацией британского мандата). 25 мая 1946 г. государство стало называться Иорданией (Иорданским Хашимитским Королевством) [44, с. 384, ст. 1138].

⁴⁸ О цыганах в странах Ближнего Востока см.: [45, р. 40–41].

⁴⁹ Господин Х. Гарайба обозначил гадание местным диалектальным словом *шахда*.

Завоевать доверие цыган очень сложно – эти люди недоверчивы к посторонним. По словам господина Хашима, он приручал их, подобно тому, как приручают животных.

В наших местах, продолжал мой собеседник, бытуют предания о том, как у нас появились цыгане. Дескать, Харун ар-Рашид пригласил их как искусных музыкантов, певцов и танцоров для участия в празднестве, которое он устраивал в честь победы над врагами Халифата. Когда торжества завершились, государь, желая приучить цыган к землепашеству, пожаловал их скотом, зерном и орудиями труда. Те же зерно съели, скотину зарезали и также съели, орудия труда частично продали, а частично раздарили. Потом разбрелись по всему белому свету, зарабатывая на жизнь музыкой, песнями, танцами и гаданием⁵⁰.

Вот такие впечатления я вынес из этой поездки. Та грань арабского мира, которой он повернулся ко мне, предстала передо мною дружелюбной и прекрасной, но в то же время и весьма противоречивой. С одной стороны, интеллектуалы-гуманитарии из различных арабских стран, с которыми мне довелось общаться, способны создавать самые современные художественные тексты и подвергать их научному анализу, используя методы, присущие мировой гуманитарной науке. С другой стороны, они охотно предаются изысканным радостям, сложившимся в давние времена в недрах их родной культуры, и способны осмыслять подобные развлечения, исходя из традиций этой культуры. А кроме того, часть этих интеллектуалов, не говоря о людях других социальных слоев, органически связана с основами исконной народной жизни.

Отмеченные противоречивые черты, как мне кажется, являются главенствующими и наиболее притягательными для арабиста.

Литература

1. Миккульский Д. В. На арабской литературоведческой конференции (Рабат, сентябрь 2018 г.). *Orientalistica*. 2019;2(4):1063–1080. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1063-1080.

2. *Мултака аш-Шарика ли-с-сард. Ад-даура ас-садиса'ашара. Ар-Ривайа ат-тафа'улиййа: ал-махиййа ва-л-хаса'ус.17–19 сабтамбар 2019*. Ал-Мамлака ал-Урдуниййа ал-Хашимиййа – 'Амман. Да'ират ас-сакафа. Ал-Имарат ал-'арабиййа ал-муттахида. Хукумут аш-Шарика – Визат ас-сакафа. Ал-Мамлака ал-Урдуниййа ал-Хашимиййа; 2019 [программа конференции]. (На араб. яз.)

3. *Мултака аш-Шарика ли-са-сард. Ад-Даура ас-садиса 'ашара. Ар-Ривайа ат-тафа'улиййа: ал-махиййа ва-л-хаса'ус.17–19 сабтамбар 2019*. Ал-Мамлака ал-Урдуниййа ал-Хашимиййа – 'Амман. Да'ират ас-сакафа. Ал-Имарат ал-'арабиййа ал-муттахида. Хукумут аш-Шарика – Визат ас-сакафа. Ал-Мамлака ал-Урдуниййа ал-Хашимиййа; 2019 [тексты докладов]. (На араб. яз.)

⁵⁰ Приводимая легенда свидетельствует о том, сколь глубоко образ Харуна ар-Рашида укоренился в арабском фольклоре.

4. Халидов А. Б. *Арабские рукописи и арабская рукописная традиция*. М.: Наука; ГРВЛ; 1985.
5. Фильштинский И. М. *История арабской литературы. X–XVIII века*. М.: Наука; ГРВЛ; 1991.
6. Cobb P. M. al-Urdunn. 2. History.(a). Up to 1250. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. X. Leiden: Brill; 2000.
7. Микульский Д. В. Ливийский писатель и его страна. О конференции «Пустыня и литература» (Университет Себхи, Ливия), посвященной творчеству Ибрахи́ма ал-Куни. *Восток (Oriens)*. 2006;(6):106–116.
8. Микульский Д. В. *Хуласат та'рих Тунис* Хасана Хусни 'Абд ал-Ваххаба: традиционные основы современного исторического сочинения. В: Мейер М. С., Кузнецов В. А., Осипова К. Т. (ред.) *Восхваление. Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается*. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т стран Азии и Африки РАН; 2008. С. 264–291.
9. Крачковский И. Ю. *Арабская географическая литература*. М.: Восточная литература; 2004.
10. Квятковский А. П. *Поэтический словарь*. М.: Советский писатель; 1966.
11. Мухаммад ал-Мувайлихи. *Рассказ Исы ибн Хишама, или Период времени*. М.: Наука; 2013.
12. Vinon R. *Maroc 2003/2004*. Paris: Prisma Presse; 2003.
13. Лэн-Пуль С. *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. М.: Восточная литература; Муравей; 2004.
14. *Лисан ал-'араб ли-л-имам ал-'аллама Аби-л-Фадл Джамал ад-Дин Мухаммад ибн Мукаррам Ибн Манзур ал-Иффрики ал-Мисри. Таба джадида мухаккака*. Бейрут: Дар СаDIR; 2008. Т. 1–18. (На араб. яз.)
15. Fück J. W. Ibn Manzur. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden, London: E. J. Brill; LUZAC & CO; 1986. Vol. 3. P. 865.
16. Eustache D. Idris II. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden, London: E. J. Brill; LUZAC & CO; 1986. Vol. 3.
17. Гиргас В. Ф. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. М., СПб.: Диля; 2006.
18. Fück J. W. Ishak b. Ibrahim al-Mawsili. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Third Impression. Leiden: E. J. Brill; 1997. Vol. IV. P. 110–111.
19. Omar F. Harun al-Rashid. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden, London: E. J. Brill; LUZAC & CO; 1986. Vol. 3. P. 232–234.
20. Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди. *Золотые копи и россыпи самоцветов. [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]*. М.: Наталис; 2002.
21. Веселовский А. Н. *Историческая поэтика*. 3-е изд. М.: URSS; 2008.
22. Фильштинский И. М. *Халифат под властью династии Омейядов (661–750)*. М.: Соверо-принт; 2005.
23. Фотиева В. С. Певцы омейядского периода по «Книге песен» Абу-л-Фараджа ал-Исбахани (897–967). В: *Всесоюзная конференция по проблемам араб-*

ской культуры. Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. М.: Наука; ГРВЛ; 1983. С. 170–192.

24. Микульский Д. В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'дин ал-джаухар»)*. X век. М.: Восточная литература; 2006.

25. Прозоров С. М. Ал-Махди. В: Прозоров С. М. (ред.) *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ; 1991. С. 163.

26. Wiet G. Baybars I. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1. P. 1124–1126.

27. Фильштинский И. М. *История арабов и халифата (750–1517 гг.)*. М.: Муравей – Гайд; 1999.

28. Фильштинский И. М. *История арабской литературы. V – начало X века*. М.: Наука; ГРВЛ; 1985.

29. Аль-Исфахани, Абу-ль-Фарадж. *Книга песен*. М.: Наука; ГРВЛ; 1980.

30. Гранде Б. М. *Введение в сравнительное изучение семитских языков*. 2-е изд. М.: Восточная литература; 1998.

31. Белова А. Г. *Химьяритский язык по арабским источникам. Проблемы арабской культуры. Памяти академика И. Ю. Крачковского*. М.: Наука; ГРВЛ; 1987.

32. Акимушкин О. Ф. Ал-Джилани. В: Прозоров С. М. (ред.) *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; ГРВЛ; 1991. С. 65–66.

33. Vakhit M. A. Al-Zarka'. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Leiden: Brill; 2002. Vol. 11. P. 460.

34. Джабал ат-Тадж. *Викибидийа. Ал-Маусу'а ал-хурра*. (На араб. яз.)

35. Sharon M. Al-Khalil. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Third Impression. Leiden: E. J. Brill; 1997. Vol. 4. P. 955–961.

36. Дура. *Викибидийа. Ал-Маусу'а ал-хурра*. (На араб. яз.)

37. Ал-Балка'. *Викибидийа. Ал-Маусу'а ал-хурра*. (На араб. яз.)

38. Becker C. H. Vani Suwayf. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1. P. 1016.

39. Ланда Р. Г. *История арабских стран*. М.: Восточный университет; ИВ РАН; 2017.

40. Ганич А. А. *Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития*. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Ин-т стран Азии и Африки РАН; 2007.

41. Гарайба Х. *Сана вахида такфи*. Бейрут: Науфал; 2019. (На араб. яз.)

42. Gharayba H. *One Year is enough*. Beirut: Naufal; 2019.

43. Хаввара (Ирбид). *Викибидийа. Ал-Маусу'а ал-хурра*. (На араб. яз.)

44. Ар-Рамса (Ирбид). *Викибидийа. Ал-Маусу'а ал-хурра*. (На араб. яз.)

45. Котлов Л. Н., Алешин Ю. Исторический очерк. Иордания. В: *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия; 1972. Т. 10. С. 384.

46. Lewis G. L. Ćingane. In: *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Fourth Impression. Leiden: E. J. Brill; 1991. Vol. 2. P. 40–41.

References

1. Mikulsky D. V. At an Arabic academic conference on the study of contemporary Arabic literature (Rabat, September 2018). *Orientalistica*. 2019;2(4):1063–1080. (In Russ.). DOI: [10.31696/2618-7043-2019-2-4-1063-1080](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2019-2-4-1063-1080).
2. *The Shardja Forum on Narration. The Sixteenth Session. The interactive novel: its essence and features. September 17–19, 2019*. The Jordanian Hashimite Kingdom – Amman. The Cultural Board. The United Arab Emirates. The Government of Sharja – The Ministry of Culture. The Jordanian Hashimite Kingdom, 2019. (In Arabic)
3. *The Shardja Forum on Narration. The Sixteenth Session. The interactive novel: its essence and features. September 17–19, 2019*. The Jordanian Hashimite Kingdom – Amman. The Cultural Board. The United Arab Emirates. The Government of Sharja – The Ministry of Culture. The Jordanian Hashimite Kingdom, 2019. [Texts of the papers]. (In Arabic)
4. Khalidov A. B. *Arabic Manuscripts and the Arabic Manuscript Tradition*. Moscow: Nauka; The Principal Editorial Board for the Oriental Literature; 1985. (In Russ.)
5. Filshtinsky I. M. *The History of the Arabic Literature. 10–18 centuries*. Moscow: The Principal Editorial Board for the Oriental Literature of the Nauka Publishing House; 1991. (In Russ.)
6. Cobb P. M. al-Urdunn. 2. History.(a). Up to 1250. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Vol. X. Leiden: Brill; 2000.
7. Mikulsky D. V. A Libyan writer and his country. On the conference “Desert and Literature” (the Sebha University, Libya), dedicated to the creative activities of Ibrahim al-Kuni. *Vostok (Oriens)*. 2006;(6):106–116. (In Russ.)
8. Mikulsky D. V. *Khulasat Ta'rikh Tunis* by Hasan Husni 'Abd al-Wahhab: the traditional foundations of a modern work on history. *Eulogy. Dedicated to Isaak Moiseevitch Filshtinsky*. Moscow: The Moscow State University after M. V. Lomonosov, The Institute of the Countries of Asia and Africa; 2008. (In Russ.)
9. Krachkovsky I. Yu. *The Arabic Geographical Literature*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2004. (In Russ.)
10. Kviatkovsky A. P. *The Vocabulary of Poetic Terms*. Moscow: Sovetskiy Pisatel; 1966. (In Russ.)
11. Muhammad al-Muwaylihi. *Isa ibn Hisham's Tale, or A Period of Time*. Moscow: Nauka; 2013. (In Russ.)
12. Vinon R. *Maroc 2003/2004*. Paris. Prisma Presse, 2003.
13. Lane-Poole S. *Muslim Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions*. Moscow: Vostochnaya literatura; Muravey; 2004. (In Russ.)
14. *The Language of the Arabs (Lisan al-'Arab)* by the Imam, the Great Scholar Abu-l-Fadl Djamal al-Din Muhammad ibn Mukarram Ibn Mazur al-Ifriki al-Misri. A New Academic Edition. Vol. 1–18. Bayrut: Dar Sadir; 2008. (In Arabic)
15. Fück J. W. Ibn Manzur. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden, London: E. J. Brill – LUZAC & CO; 1986. Vol. 3, pp. 865.
16. Eustache D. Idris II. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden–London: E. J. Brill – LUZAC & CO; 1986. Vol. 3.

17. Girgas V. F. *Arabic-Russian Dictionary for the the Qoran an the Hadith*. Moscow, St Petersburg: Dilya; 2006. (In Russ.)
18. Fück J. W. Ishak b. Ibrahim al-Mawsili. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Third Impression. Leiden: E. J. Brill; 1997. Vol. 4, pp. 110–111.
19. Omar F. Harun al-Rashid. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden, London: E. J. Brill – LUZAC & CO; 1986. Vol. 3, pp. 232–234.
20. Abu-l-Hasan 'Ali ibn al-Husayn ibn 'Ali al-Mas'udi. *The Meadows of gold and the Mines of Germs*. [The History of the Abbasid Dynasty. 749–947]. Moscow: Natalis; 2002. (In Russ.)
21. Veselovsky A. N. *The Poetical Theory from the Historical View-point*. 3rd ed. Moscow: URSS; 2008. (In Russ.)
22. Filshtinsky I. M. *The Caliphate under the Rule of the Omayyad Dynasty (661–750)*. Moscow: Sovero-print; 2005. (In Russ.)
23. Fotieva V. S. Singers of the Omayyad period according to “the Book of Songs” by Abu-l-Faradj al-Isbahani (897–967). In: *The All-Union Conference on the Problems of the Arabic Culture. In Commemoration to the Academician Ignatius Yulianovitch Kratchkovsky. Abstracts of Papers and Communications*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura; 1983, pp. 170–192. (In Russ.)
24. Mikulsky D. V. *The Arab-Muslim Culture in the Work by al-Mas'udi “the Meadows of Gold and the Mines of Germs” (“Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al-Djawhar”)*. 10 century. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. (In Russ.)
25. Prozorov S. M. Al-Mahdi. *Islam. An Encyclopedical Vocabulary*. Moscow: Nauka; GRVL; 1991. (In Russ.)
26. Wiet G. Baybars I. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1, pp. 1124–1126.
27. Filshtinsky I. M. *The History of the Arabs and the Caliphate (Years 750–1517)*. Moscow: Muravey – Gayd; 1999. (In Russ.)
28. Filshtinsky I. M. *The History of the Arabic Literature. 5 – Early 10 century*. Moscow: Nauka; GRVL; 1985. (In Russ.)
29. Al-Isfahani, Abu-l-Faradj. *The Book of Songs*. Moscow: Nauka; GRVL; 1980. (In Russ.)
30. Grande B. M. *An Introduction to the Comparative Study of the Semitic Languages*. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura; 1998. (In Russ.)
31. Belova A. G. The Himyarite language according to the Arabic Sources. *The Problems of the Arabic Culture. In Commemoration of the Academician I. Yu. Krachkovsky*. Moscow: Nauka; GRVL; 1987. (In Russ.)
32. Akimushkin O.F. Al-Djilani. *Islam. An Encyclopaedical Vocabulary*. Moscow: Nauka; GRVL; 1991. (In Russ.)
33. Bakhit M. A. Al-Zarka'. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Leiden: Brill; 2002.
34. Djabal al-Tadj. *Wikibidiya. Al-Mawsu'a al-hurra*. (In Arabic)
35. Sharon M. Al-Khalil. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Third Impression. Leiden: E. J. Brill; 1997. Vol. 4, pp. 955–961.

**Микульский Д. В. На 16-й Шарджийской литературоведческой конференции:
«Арабский интерактивный роман: сущность и особенности» (Амман, сентябрь 2019 г.)
Ориенталистика. 2020;3(3):851–880**

36. Dura. *Wikibidiya. Al-Mawsu'a al-hurra*. (In Arabic)
37. Al-Balka'. *Wikibidiya. Al-Mawsu'a al-hurra*. (In Arabic)
38. Becker C. H. Bani Suwayf. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill; 1986. Vol. 1, pp. 1016.
39. Landa R. G. *The History of the Arab Countries. Textbook*. Moscow: Vostochniy univercitet; Institut vostokovedenia RAS; 2017. (In Russ.)
40. Ganich A. A. *The Circassians in Jordan: Features of Historic and Ethno-Cultural Development*. Moscow: Moscow State University after M. V. Lomonosov. The Institute of Asian and African Countries; 2007. (In Russ.)
41. Gharayba H. *Sana wahida takfi*. Bayrut: Nawfal; 2019. (In Arabic)
42. Gharayba H. *One Year is enough*. Beirut: Naufal, 2019.
43. Hawwara (Irbid). *Wikibidiya. Al-Mawsu'a al-hurra*. (In Arabic)
44. Al-Ramtha (Irbid). *Wikibidiya. Al-Mawsu'a al-hurra*. (In Arabic)
45. Kotlov L. N., Aleshin Y. A Sketch of History. Jordan. In: *Great Soviet Encyclopedia*. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia; 1972. Vol. 10, pp. 384. (In Russ.)
46. Lewis G. L. Ćingane. *Encyclopaedia of Islam*. 2nd ed. Fourth Impression. Leiden: E. J. Brill; 1991. Vol. 2, pp. 40–41.

Информация об авторе

Микульский Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Dmitry V. Mikulsky, Ph. D. habil. (Hist.), Principal Research Fellow, Department of Written Oriental Sources, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 9 июня 2020 г.
Одобрена рецензентами: 17 июля 2020 г.
Принята к публикации: 17 июля 2020 г.

Article info

Received: June 9, 2020
Reviewed: July 17, 2020
Accepted: July 17, 2020